

НАСТОЯЩИЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ

(Вячеслав Харченко, Москвич в Южном городе. – Издательство Eksmo Digital (RED), 2021 – 182 с.)

«Лучше там, где нас нет», – гласит народная мудрость. Однако Вячеслав Харченко готов опровергнуть это утверждение своей книгой «Москвич в Южном городе». О чём она, и кто её главный герой? По большей части, это сам автор – обычный человек, если не брать во внимание литературный талант и особый дар видеть в каждодневных мелочах целое событие, уникальную и неповторимую историю. Ведь именно из таких историй и складывается наша жизнь, наполненная романтикой повседневности, которую просто надо научиться замечать. Поэтому автору хорошо везде, где он есть. Особенно на увитом виноградником и похожем на небольшую сцену крыльце его небольшого южного дома – здесь можно спокойно посидеть, покурить и предаться размышлениям на философские темы.

Нет сомнений в том, что создатель этого сборника рассказов – человек, любящий и ценящий жизнь, медленно, со знанием дела пробуящий её на вкус – как сладкие персики или сочный инжир, растущие в южном городе. Образ города и узнаваем и незнаком одновременно – видимо потому, что, вобрав в себя типичные черты всех южных городов, он всё же остался личным достоянием автора, его художественным вымыслом и персональной планетой, на которой всегда тепло и уютно. Несмотря на то, что книга соткана из самых разных историй (от мистики до злободневной сатиры), тема, указанная в заглавии, остаётся доминирующей. Создатель рассказов – человек по-своему уникальный. Рождённый на Кубани, проживший детские и юношеские годы в Петропавловске-Камчатском, сделавший литературную карьеру в Москве и сумевший в конечном итоге проникнуться южным менталитетом, Вячеслав Харченко по праву может называться человеком мира. Потому что наши север и юг столь же различны между собой, как разные континенты или даже планеты.

Как из пазлов гигантской мозаики, из отдельных рассказов книги складываются подробности частной жизни автора. Вот он – преуспевающий сотрудник московской брокерской компании, которой, как и всем подобным компаниям, суждено было прогореть в условиях российской действительности: «Последнее время нас просто задолбали кредиторы. Приходили с утра до вечера в офис и требовали деньги, которые мы

вложили в государственные облигации, но по ним наступил дефолт, вот и растворилось всё». А вот он – завсегдагай столичных интеллектуальных тусовок, где «на кухне велись интеллектуальные разговоры о Сартре и Делезе», и даже участник поэтической студии университета на Воробьёвых горах. Но, видимо, южные кубанские корни оказались сильнее всех северных влияний, потому что привели автора в Крым, где он довольно быстро осваивает науку жить не торопясь, смакуя каждую минуту по глоточку, уделяя время тихому созерцанию, пристальному наблюдению за аборигенами. Каждый из таких случайных встречных, обладая особым взглядом на жизнь и почти итальянским темпераментом, достоин того, чтобы стать героем нового рассказа. И кажется, что автору эта наука неторопливого существования конфуцианского мудреца была знакома задолго до того, как он собственно стал писателем – задолго до сознательной жизни, или в жизнях прежних, воспринятых на уровне генетической памяти: *«И этот новый мир, который нас ожидает, ничем не отличается от старого мира, в котором я жил две тысячи лет назад в провинции у моря в каком-нибудь Херсонесе Таврическом. Мы выращивали виноград, давили оливки, у меня было поле пшеницы, иногда утром я уходил на лодке в море и возвращался только к обеду, просолённый, обветренный, красный, но счастливый. Вечерами ты возила с детьми и пела грустные греческие песни, а я сидел и пытался выучить Гомера „Илиаду“ наизусть, но, доходя до списка кораблей, спотыкался».*

В лирических отступлениях автор чем-то напоминает знаменитого персонажа Даниэля Дефо Робинзона Крузо. Ведь история юного англичанина, оказавшегося на острове – это не инструкция по выживанию в экстремальных условиях, а философский трактат о духовной эволюции человеческого сознания, из которого уходит всё наносное, привнесённое цивилизацией. И отношения с миром начинают выстраиваться иначе – мир действительно замедляет свой ход, чтобы показать вечно куда-то спешащему человеку, насколько прекрасна жизнь во всех её оттенках и полутонах, во всей гамме ощущений, которые не должны притушаться с годами. Об этом и ещё многом другом доподлинно известно обитателям южного города, чья житейская мудрость начинается с уютной обстановки приморских кофеен: *«В южном городе на каждом шагу кафе и кофейни, но в отличие от Москвы и Питера они совсем небольшие: два, три столика... Все южные жители легко ориентируются в сладостях. Более того, они могут вступать в спор с продавцами, обсуждая все вкусовые ощущения. От тонкого налёта корицы до слабого привкуса мяты, присутствующего в булочке... И да. Кофе, только кофе. Чай вам может дорого обойтись в плане душевного принятия вас в стенах южного города».*

В том, что аромат южного кофе в какой-то момент начинает раздражать обоняние читателя, сомневаться не приходится. Всё, что описано Вячеславом Харченко в его коротких рассказах-зарисовках, моментально оживает – и жизнь тихого провинциального городка – Одессы, Алушты, Ялты или Бахчисарая – постепенно проникает в любую столичную квартиру, растапливая любой нордический нрав своими запахами, звуками, говором праздной и весёлой толпы, шумом морского побережья. Но Харченко – не только мастер красочных описаний, он ещё и превосходный психолог, способный в подробностях изобразить тот или иной характер, настолько же типичный, насколько и уникальный. А некоторые персонажи становятся постоянными завсегдагаями его прозы, свободно путешествуя из рассказа в рассказ: склонный к философии сосед Теодор Рузвельтович, меланхоличная Надежда, которой известно, что *«настоящий Южный Город не различает мифологию и жизнь»*, грозный с виду, но в сущности добрый и слегка несурзанный Вадик, и, конечно же, мэр города Сердцеполяска Иннокентий Петрович Севрюков, знаменитый своей нелюбовью к мэру соседнего городка Волобуеву и пристрастием к высоким блондинкам.

Искромётный юмор и любовь к деталям сближают прозу Вячеслава Харченко с одесскими рассказами Аркадия Аверченко. Оба автора прекрасно понимают, что, в сущности, главное достоинство любого хорошего писателя – это талант наблюдателя, предполагающий, в том числе, умение сопоставлять разные обычаи и нравы.

Столкновение «столичного» и «провинциального» менталитетов – внутренний и главный сюжет всех рассказов Харченко, посвящённых южному городу: *«Чтобы понять южный город, надо освоить культуру сидения и разговаривания. Мне, измученному постоянной московской нехваткой времени, это не дано (возможно, я просто плохо к этому стремлюсь)... Я подбегал к кассе. Это неправильно. К кофейнику надо подходить медленно и неторопливо. Внимательно оглядеть витрину со сладостями, потом завести неторопливый разговор о погоде и ценах – это правильно».* Именно об этом и практически теми же словами Аверченко писал сто лет назад: *«Во всех других городах принято, чтобы граждане с утра садились за работу, кончали её к заходу солнца и потом уже предавались отдыху, прогулкам и веселью. А в Одессе настоящий одессит начинает отдых, прогулки и веселье с утра – так, часов с девяти».*

Такими же яркими и выразительными, как и у знаменитого писателя-сатирика начала 20 века, являются созданные Вячеславом Харченко обобщённые портреты южных буфетчиц, барменов, торговков, просто случайных прохожих на улице. Вне всяких сомнений, в историю литературы войдёт буфетчица Нина из кафе «Советское», смертельно обиженная на то, что её постоянный клиент заказал не как обычно *«оливье с сырокопченой ветчиной, уху из норвежской форели по-царски с лимоном и оливками, кисель ягодный и свино-говяжьи пельмени с жареным луком и сметаной»* за 350 рублей, а всего-то комплексный обед за 166 рублей. Та же участь постигнет одного из барменов местного кабака, который никогда не простит посетителя, заказавшего к портвейну шоколадку, а не оливки с косточкой, или юного, влюблённого в Лиду кофейщика Адама.

Но справедливости ради нужно сказать, что талант Вячеслава Харченко очень многогранен: все рассказы из книги «Москвич в южном городе» легко разбиваются на циклы, очень разные по тематике и жанру: здесь и мистические, почти «страшные» истории в духе Эдгара По (например, о древней статуе Таргитая или о поражённом странной болезнью Петре Петровиче Сарвине), и близкие к стилю Гоголя и Булгакова сатирические рассказы о провинциальных чиновниках, и приправленные лёгкой грустинкой воспоминания автора о юности, первой любви, умершем отце.

В своём заключительном рассказе автор, размышляя о том, какими чертами должен обладать настоящий русский писатель, не без иронии, но и не без некоторой доли самокритики рассуждает о том, что ему никогда не написать «настоящий русский роман».

Насчёт романа утверждать что-либо достаточно трудно, но при этом можно сказать со всей определённостью, что только *«на берегу Чёрного моря, под лучиками нежного южного солнца, пожёвывая инжир и персики»*, писатель способен создать самые лучшие и увлекательные истории в мире. И стоит ли желать большего?